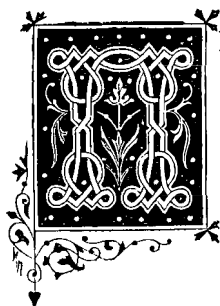

РАЗСКАЗЫ ОБЪ АРХИМАНДРИТЪ ФОТІИ.

РЕДЛАГАЕМЫЕ рассказы объ извѣстномъ архимандритѣ Фотіи записаны со словъ священника Іоанна Георгіевича Мизерецкаго. Отецъ Мизерецкій приходился Фотію двоюроднымъ братомъ и былъ болѣе другихъ близокъ къ нему. Еще учась въ новгородской семинаріи, онъ ходилъ къ Фотію, а по окончаніи курса до полученія мѣста жилъ у него два года, причемъ разъ Фотій бралъ его съ собой въ Петербургъ. Отецъ Мизерецкій отличался независимымъ характеромъ, наблюдательнымъ и нѣсколько скептическимъ умомъ.

Будничная жизнь Фотія со всѣми мелочами проходила передъ его глазами, и онъ лучше другихъ понялъ личность этого чловѣка, а потому и относился къ нему просто, естественно, не какъ прочіе, безъ всякаго суевѣрія или напускнаго благоговѣнія. Съ своей стороны, Фотій не могъ не отличить Мизерецкаго среди толпы своихъ поклонниковъ и даже дорожилъ имъ; но такъ какъ эти двѣ натуры не сходились, то въ ихъ отношеніяхъ проглядываетъ желчность Фотія отъ того, что послѣднему не удавалось завербовать Мизерецкаго въ число «своихъ людей».

Обрисовка Фотія въ рассказахъ отца Мизерецкаго не лишена нѣкотораго психологическаго интереса и разъясняетъ многое въ жизни этого столь вліятельнаго въ свое время чловѣка.

Считаемъ нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о самомъ отцѣ Мизерецкомъ.

Оставшись сиротой въ младенчествѣ, Іоаннъ Георгіевичъ Мизерецкій первые годы росъ въ домѣ своего старшаго брата, сельскаго дьячка въ погостѣ «Минюши», верстахъ въ 60 отъ Новгорода.

Девятилѣтняго «Ванюшу» братъ повезъ въ городъ учиться и представилъ смотрителю духовнаго училища съ поклономъ. Тотъ оглянуль съезжившагося отъ страха мальчугана въ обдерганномъ халатѣ изъ братнихъ обносковъ, указалъ на него перстомъ съ словами: «miser, сирѣчь несчастный», и тутъ же велѣлъ записать его Мизерецкимъ.

Мизерецкій прошелъ двѣнадцатилѣтній курсъ духовнаго воспитанія двадцатыхъ годовъ съ тогдашними «лозами», «потасовками», «казеннымъ коштомъ» и проч. Особенно памятно было ему, какъ однажды учитель, пьяный монахъ, чуть не разможилъ ему голову псалтыремъ.

Къ Фотію Мизерецкій сталъ ходить лишь съ богословскаго класса.

Карьера Мизерецкаго началась неудачей. Просился онъ на священническое мѣсто въ городъ и уже былъ обнадеженъ, записанъ первымъ кандидатомъ. Однако, назначили не его, а другаго. Бросился онъ на квартиру къ священнику Зубовскому, своему бывшему учителю, который тогда состоялъ членомъ консисторіи и заведовалъ ставленническимъ столомъ. Зубовскій съ обычною любезностію принялъ его и коротко разъяснилъ недоумѣніе молодаго человѣка: «Вы, Иванъ Егорычъ, приходили съ пустыми руками, а вотъ вашъ соперникъ оставилъ у меня двѣсти рублей». Съ этими словами, онъ отворяетъ столъ и показываетъ пачку ассигнацій.

Потерявъ надежду выйдти самостоятельно на мѣсто, Мизерецкій рѣшилъ выйдти въ домъ, т. е. со взятіемъ готовой невѣсты, слѣдовательно, гдѣ все зависѣло отъ будущаго тестя. Такое священническое мѣсто вскорѣ открылось въ селѣ Полянахъ, куда онъ и поступилъ.

Невѣста была 16 лѣтъ и, по его словамъ, еще совсѣмъ не сформированная. Это придавало ему увѣренность перевоспитать ее въ случаѣ какихъ либо недостатковъ характера. Но, увы! вскорѣ оказалось, что молодая была приучена своею матерью къ спиртнымъ напиткамъ, которые всегда прятались еще отъ старика отца въ подпольѣ...

Въ Полянахъ отецъ Мизерецкій выстроилъ новую церковь. Затѣмъ перешелъ въ Новгородъ, въ кладбищенскую церковь на Красномъ полѣ. Эту церковь онъ тоже отстроилъ заново, обнесъ ее каменной оградой, построилъ каменный домъ для причта, развелъ садъ и провелъ новую дорогу отъ городского шоссе на разстояніи двухъ верстъ, а по сторонамъ обсадилъ ее деревьями.

Всѣ эти постройки велись безъ всякаго участія Фотія, а единственно на пожертвованія прихожанъ, у которыхъ отецъ Мизерецкій пользовался беззавѣтною любовью и уваженіемъ.

Отправляя свои обязанности, отецъ Мизерецкій, не въ примѣръ прочимъ, не давалъ ни гроша такъ называемой «благодарности» благочинному священнику Голинскому. Это привело къ тому, что Мизерецкаго отдали подъ судъ, «такъ какъ онъ, не спросясь консисторіи, обнесъ церковь каменной оградой», а, по доносу дьячка, «расходовалъ на постройки суммы безъ вѣдома дьячка». Отвѣтными бумагами онъ только подливалъ масла. Дѣло тянулось больше десяти лѣтъ и кончилось выговоромъ. Послѣ этого отецъ Мизерецкій ужъ во всю жизнь не могъ получить даже скуфейки.

Среди хлопотъ и служебныхъ дразгъ, отецъ Мизерецкій весь отдался воспитанію дѣтей, причемъ его желѣзная воля и зоркость держали семью въ порядкѣ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ...

Трехъ сыновей онъ прямо приготовилъ въ семинарію, а трехъ дочерей выдалъ замужъ.

Когда всѣ дѣти были болѣе или менѣе пристроены, отецъ Мизерскій вышелъ за штатъ и жилъ, большею частью, въ Петербургѣ, отправляя службу по разнымъ церквамъ. Ему довелось пережить всѣхъ дѣтей; въ Петербургѣ же умерла скоропостижно и жена его.

Разъ, измѣряя иконостасъ въ одной церкви, въ Орашенбаумѣ, онъ упалъ съ подставки и сломалъ себѣ ногу. Оправившись, онъ вывихнулъ ту же ногу, поскользнувшись на мостовой, и съ тѣхъ поръ сталъ хромымъ. Мало того, какими-то путями довѣрился онъ одному деревенскому шарлатану... «Видно, Богъ въ наказаніе отнялъ у меня тогда умъ»,—говаривалъ потомъ страдалецъ. Шарлатанъ взялся его вылечить отъ ревматизма. Въ результатѣ образовались открытыя раны на ногѣ.

Въ такомъ-то состояніи обратился онъ къ настоятелю Невскаго монастыря съ просьбой дать ему, убогому священнику, келью въ Невской лаврѣ. Настоятель обратилъ вниманіе на то, что сѣдая голова просителя не прикрыта даже скуфейкой, и объявилъ, что вакансій въ лаврѣ нѣтъ.

Проживъ два года у племянника въ Новгородѣ, отецъ Мизерецкій, въ 1880 году поѣхалъ въ Русу лечиться. Но тамъ остался жить навсегда, уступивъ просьбамъ невѣстки и совѣтамъ священниковъ, родственниковъ послѣдней.

Съ перемѣной обстановки перемѣнилось и здоровье. Съ января 1881 года, почтенный старецъ уже не вставалъ съ постели, а въ мартѣ послѣ ужасныхъ физическихъ страданій скончался 77 лѣтъ тамъ же, въ Русѣ.

Тѣло его было перевезено въ заранѣе устроенный имъ для себя склепъ на Красномъ полѣ.

I.

Фотій началъ свою карьеру законоучительствомъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Еще тогда онъ любилъ обнаруживать пренебреженіе мірской суетой. Онъ имѣлъ обыкновеніе ходить въ самой бѣдной рясѣ изъ дешеваго сукна. А когда приходилось ѣхать на урокъ, то выбиралъ себѣ самаго что ни на есть убогаго извозчика. Свою скудную провизію онъ бралъ изъ одной мелочной лавки по книжкѣ и, получивъ жалованье, тотчасъ шолъ въ лавку расплачиваться, а весь остатокъ отъ расчета раздавалъ нищимъ.

II.

Первымъ духовникомъ графини Орловой былъ архимандритъ Иннокентій. Передъ смертью онъ завѣщалъ ей избрать своимъ новымъ духовникомъ—Фотія, бывшаго тогда настоятелемъ бѣднѣйшаго Деревяницкаго монастыря въ городѣ Новгородѣ.

Графиня немедленно отправилась къ своему новому духовнику и съ нимъ никогда послѣ не разлучалась. Фотій вскорѣ былъ переведенъ въ первоклассной Юрьевъ монастырь, что на лѣвомъ берегу Волхова, противъ Городища.

Духовная дочь построила себѣ мызу на разстояніи версты отъ Юрьева монастыря и тамъ держала себя съ графскимъ представительствомъ, строго соблюдая великосвѣтскій этикетъ. Къ ея двору являлись съ визитами не однѣ какія нибудь власти новгородскія, а «самъ Аракчеевъ» и разные вельможи изъ Петербурга; а ея щедрость, съ другой стороны, привлекала массу разныхъ просителей всѣхъ сословій.

Графинины повара могли поспорить съ поварами петербургскаго двора; и теперь еще носятъ сказочныя преданія о графининыхъ обѣдахъ въ 40 блюдъ. Всевозможные фрукты, вина, дорогая провизія и другіе заграничныя продукты привозились изъ Петербурга особымъ транспортомъ. «Ходилъ дармезъ», или громадный почтовый рыдванъ графини.

Такимъ образомъ, неизвѣстный дотолѣ уголокъ въ новгородскихъ окрестностяхъ обратился въ обѣтованную землю, куда спѣшилъ каждый, кто въ Бога вѣровалъ.

Одновременно росла слава и духовника графини. Фотій, позабытый было послѣ перехода изъ «масонскаго» Петербурга въ Деревяницкій монастырь, не только сталъ предметомъ народной молвы, но о немъ заговорили и въ высшихъ официальныхъ сферахъ. Наконецъ, онъ удостоился такой награды, какой архимандритская грудь никогда не нашивала: онъ получилъ архіерейскую панагію, отъ архіерейства же и отъ обычныхъ орденовъ отказался наотрѣзъ.

III.

Фотій на графинины капиталы предпринялъ громадныя постройки. Передѣлалъ заново весь монастырь; насыпью соединилъ съ городомъ островъ, гдѣ расположенъ монастырь; развелъ рощу и фруктовые сады съ оранжереями; устроилъ скитъ на Перынѣ (мѣсто, гдѣ, по преданію, стоялъ Перунъ); подновилъ Софійскій соборъ, нѣсколько монастырей по окрестностямъ и проч., что въ итогѣ обошлось въ нѣсколько милліоновъ рублей.

По поводу сухопутнаго сообщенія съ городомъ сначала Аракчеевъ предлагалъ Фотію за 10,000 рублей устроить своими людьми каменную дорогу черезъ заливы Волхова въ Кремль, — и всѣ вѣрили, что Аракчеевъ положилъ бы, правда, тысячи людей, но исполнилъ бы это несбыточное дѣло. Фотію показалось слишкомъ дорого, и предпріятіе не состоялось, о чемъ онъ послѣ очень жалѣлъ, такъ какъ въ послѣдствіи дорога обошлась ему въ десятки разъ дороже, а вышла и длиннѣе, и плоше, чѣмъ предлагалъ Аракчеевъ.

Фотій любилъ ходить по постройкамъ, взбираться на подмостки, на лѣса. Работали ярославцы, народъ ловкій, расторопный, а главное—догадливый: бывало, какъ завидять Фотія, такъ и заходятъ, что муравьи; это его тѣшило, и онъ тутъ же награждалъ ихъ изъ своего денежнаго мѣшка. Дѣло шло шибко: пестрая толпа рабочаго люда копошилась на большомъ пространствѣ. Для носки матеріаловъ—кирпича, песку, извести и проч., было нанято множество женщинъ изъ сосѣднихъ деревень. Рабочіе кормились съ монастырскаго стола и жили тутъ же. На ночлегъ располагались—кто по сараямъ, кто по конюшнямъ, кто на вольномъ воздухѣ; дѣло было лѣтомъ. Что происходило внутри и за монастырской стѣной, при такомъ скучиваніи разнороднаго люда, одинъ Богъ разберетъ; только веселымъ головамъ не было надобности бѣгать въ городъ.

У Фотія былъ въ монахахъ братъ Анинъ, который былъ имъ же постриженъ. Монашество было какъ-то не по плечу этой веселой головѣ. Никакъ не могъ онъ устоять передъ виномъ и женщиной; сколько тамъ Фотій ни хлопоталъ, но Анинъ частенько черезъ монастырскую стѣну ускользалъ въ слободу или въ городъ. Разъ утромъ попадается Анинъ въ растрепанномъ видѣ прямо на глаза Фотію. Святой отецъ напустился на него, и пылая гнѣвомъ, принялся отечески вразумлять Анина, такъ что трость разлетѣлась пополамъ.

IV.

Есть въ Новгородской губерніи Моденскій монастырь. Былъ тамъ инокъ, іеродіаконъ, сильно онъ пилъ и бушевалъ. Настоятель, не зная уже, что съ нимъ дѣлать, пишетъ Фотію письмо и при-

казывает провинившемуся иноку самому отнести эту жалобу. Иеродіаконъ съ трепетомъ за свою судьбу вручаетъ письмо Фотію. Тотъ прочиталъ и говоритъ: «пьешь вино»? Дьяконъ упалъ на колѣни, приговаривая: «яко разбойника, помилуй мя, авва отче»! Тогда Фотій, недолго думая, поднимаетъ письмо обѣими руками надъ головою грѣшника и произноситъ: «Иже въ шестой день же и часъ на крестѣ пригвождей адамовъ грѣхъ, рукописаніе грѣхъ нашихъ раздери»... Съ этими словами разлетается въ прахъ рукописаніе настоятелево, а обжалованный инокъ отпускается съ миромъ.

V.

Фотій захотѣлъ, чтобъ монахи въ досужное время занимались разными рукодѣліями, и вотъ для этого онъ устроилъ мастерскую. Выписалъ знающихъ мастеровъ для обученія монаховъ слесарству, токарству, столярству; рядомъ съ этимъ онъ устроилъ и школу живописи, куда также былъ призванъ одинъ художникъ. Занятія монаховъ по ремеслу и живописи не оставались безъ поощренія. Бывало, какой нибудь монахъ принесетъ Фотію показать дѣло рукъ своихъ, напримѣръ, солонку, чашку и т. п., Фотій, сурово хмурясь, возьметъ вещь, пойдетъ въ кабинетъ, а оттуда выноситъ монашеское рукодѣліе, уже не порожнее, а съ червонцами до верха, и также принимая суровый тонъ, будто сердясь, отдаетъ монаху его издѣліе, приговаривая: «на, вынь оттуда мусоръ-то».

VI.

Разъ является къ Фотію офицеръ квартировавшей въ Новгородѣ команды, во всей формѣ, и заявляетъ ему про себя, что растратилъ казенныя деньги, и проситъ его выручить изъ бѣды, дать на пополненіе растроченной суммы. Фотій отказывается. Тогда офицеръ, долго не думая, вынимаетъ пистолетъ и, прикладывая дуломъ къ своему лбу, говоритъ: «сейчасъ же покончу съ собой, если денегъ не дадите»...

— Что ты! что ты діавола тѣшишь!— вскричалъ Фотій, вскочивъ съ дивана.— На, возьми!— съ этими словами снимаетъ съ себя брилліантовую панагію и отдаетъ офицеру.

Прошло нѣсколько времени. Является тотъ же офицеръ вторично къ Фотію и на этотъ разъ съ благодарностью возвращаетъ панагію, объясняя, что онъ её заложилъ, сдѣлалъ оборотъ и опять выкупилъ.— Не надо!— отмахивается Фотій:— пусть тебѣ; зачѣмъ осквернилъ, отдавалъ въ поганыя руки?!

VII.

Одно время появился въ Юрьевомъ монастырѣ усердный богомолецъ. Это былъ армейскій офицеръ въ потертомъ мундирѣ, съ виду — бѣднякъ большой руки. Ходилъ онъ къ службѣ часто, молился на колѣняхъ, съ большимъ усердіемъ, даже говѣлъ въ монастырѣ. Фотій скоро обратилъ вниманіе на богобоязненнаго офицера, который на рѣдкость передъ прочими «не чистилъ пальцами пуговицъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно господа въ церкви», а осыпалъ себя большимъ крестомъ. Наконецъ, Фотій пригласилъ къ себѣ интереснаго богомольца, который оказался подпоручикомъ Казаковымъ, адъютантомъ при корпусномъ штабѣ. Фотій съ нимъ сошелся, и съ тѣхъ поръ Казаковъ часто бывалъ въ кельѣ у Фотія, наконецъ, обратился въ постоянного собесѣдника его и графини. Фотій скоро сдѣлалъ его ремонтеромъ по монастырю, а графиня давала ему разныя порученія по своему имѣнію, затѣмъ, избрала его и въ управляющіе.

Послѣ смерти Фотія Казаковъ пріѣзжалъ къ графинѣ съ отчетами ужъ женатый и выглядывалъ богачомъ. Графиня очень наградила его, да, кромѣ того, по завѣщанію отказала конскіе заводы и много денегъ.

VIII.

Пріѣхалъ разъ Фотій въ Петербургъ, при немъ былъ его двоюродный братъ, семинаристъ Мизерецкій. Случилось имъ вмѣстѣ быть на квартирѣ у графини. Фотій вдругъ говоритъ: «Анна, на колѣни!» Та повинуется, ея примѣру слѣдуетъ и молодой чело-вѣкъ. Фотій долго держалъ ихъ въ такомъ положеніи... Вдругъ вбѣгаетъ лакей графини и въ попыхахъ докладываетъ: «графъ Орловъ»; графиня, не дожидаясь разрѣшенія, тотчасъ встала, быстро оправилась и съ обычной любезностью приняла гостя.

IX.

Двоюродный братъ Фотія, Іоаннъ Мизерецкій, кончивъ курсъ въ семинаріи, два года жилъ у него въ монастырѣ и спалъ въ его пріемной. На первыхъ порахъ Фотій настойчиво уговаривалъ молодого чело-вѣка поступить въ монахи, но тотъ все не поддавался. Разъ, выходя изъ церкви, послѣ заутрени, Фотій попрежнему повторяетъ ему: «иди въ монахи». — Не пойду, ваше высокопреподобіе, я ужъ не разъ вамъ это говорилъ. — Тогда Фотій, оборотившись и уставившись на него сердитымъ взглядомъ, отчеканилъ: «такъ не бывать же тебѣ никогда монахомъ». И съ тѣхъ поръ — полно уговаривать.

X.

I. Мизерецкій, къ которому Фотій особенно благоволилъ, былъ однажды въ гостяхъ въ городѣ. Зашла рѣчь о Фотіи. Тутъ братъ его, священникъ Евфимій, человѣкъ крайне простоватый, принялся его расхваливать, то и дѣло, что повторяя: «Его высокопреподобіе присно бдитъ о насъ». Молодой человѣкъ не утерпѣлъ, чтобы не подтрунить заочно надъ Фотіемъ. Родной братъ Фотія бросился съ кулаками на остряка. «Только тронь,—сказалъ молодой человѣкъ спокойнымъ тономъ:—и у меня стулъ подъ руками». Это осадило Евфимія, и до рукопашной не дошло. Вскорѣ послѣ этого Фотій сталъ сухо обращаться съ Мизерецкимъ, далеко не попрежнему. Легко было догадаться, что Фотію обо всемъ было донесено его братомъ Евфиміемъ.

XI.

Приводимъ дословно разсказъ Мизерецкаго о сюрпризѣ, какой для него сдѣланъ былъ Фотіемъ.

«Учился я,—разсказывалъ Мизерецкій,—въ семинаріи на казенномъ коштѣ. До богословскаго класса ходилъ я въ казенномъ халатѣ и, лишь перейдя въ богословію, получилъ я сюртукъ, да и то старый. Однако, при окончаніи курса отобрали и этотъ сюртукъ. Изложилъ я Фотію свое неказистое положеніе. Тогда онъ мнѣ обѣщалъ на сюртукъ, только приведи, говоритъ, портнаго изъ города. Какъ велѣно, прихожу я съ портнымъ. И что же? преподобный отецъ выносить кусокъ самаго грубаго сукна, какого я не видалъ даже и на армейскихъ солдатахъ. Мой портной только развелъ руками, приговаривая на ушко: «только къ невѣстамъ вамъ ходить въ такомъ нарядѣ»...

«Скрѣпя сердце, взялъ я сукно подъ мышку, поблагодаривъ его преподобіе, и пошелъ въ городъ. Впрочемъ, въ послѣдствіи, когда я вышелъ на мѣсто въ село Поляны, изъ этого сукна у меня вышелъ подрясникъ, да такой носкій, что двадцать лѣтъ служилъ онъ мнѣ при разныхъ требахъ и объѣздахъ по моему большому приходу. При поступленіи моемъ въ священники, Фотій велѣлъ мнѣ составить списокъ всего, что понадобится мнѣ на первыхъ порахъ по хозяйству. Мое мѣсто оказалось далеко незавиднымъ. Домишко, который я взялъ за женой, былъ всего въ квадратную сажень: не повернуться. Кругомъ ни двора, ни кола. Дождавшись заморозковъ, нанялъ я лошаденку и поплелся къ Фотію. У него тогда было много народу въ пріемной. Все больше генералы, да совѣтники. Я терпѣливо просидѣлъ цѣлый день и дождался, пока всѣ посѣтители не ушли. Наконецъ, я вхожу...—«Не могу, чадо,

усталь, — говоритъ Фотій: — прійди въ другой разъ». Я молча поклонился и вышелъ.

«На другой день я также выждалъ всѣхъ поѣтителей, и опять та же пѣсня: «усталь, чадо». Наконецъ, прихожу въ третій разъ, и опять та же исторія. Не вытерпѣлъ я и говорю ему рѣшительнымъ тономъ: «ваше высокопреподобіе, какъ вамъ угодно, а положите какое ни на есть рѣшеніе. Вотъ уже въ третій разъ къ вамъ прихожу напрасно. Я человѣкъ должностной, у меня оставленъ приходъ, мало-ль какія требы случатся; безъ меня иной умреть, не покаившись. Да и разѣзжать сюда этакую даль у меня нѣтъ средствъ»... Не успѣлъ я еще договорить, какъ Фотій быстро встаетъ съ дивана, на которомъ онъ полулежалъ, круто беретъ меня за плечо и, постепенно поворачивая, крестить: справа, слѣва, сзади и спереди. Кончивъ это священнодѣйствіе, онъ указалъ дверь и сказалъ: «ступай съ Богомъ».

XII.

Фотій выстроилъ на своей родинѣ, въ Тёсовѣ, каменную церковь и каменный домъ для причта со всею домашнею утварью. Ко дню освященія собрались тысячи народа. Фотій прибылъ съ графиней и со всею своей свитой и встрѣченъ былъ колокольнымъ звономъ. Наканунѣ, послѣ всенощной, онъ всю ночь ходилъ по деревнѣ изъ одного дома въ другой и бесѣдовалъ съ поселянами, своими земляками.

На другой день утромъ, передъ освященіемъ главнаго престола, Фотій присутствовалъ въ качествѣ зрителя при освященіи придѣльнаго престола въ нижнемъ этажѣ церкви. Когда служащіе заливали престолъ мастикой по четыремъ угламъ, братъ Фотія, Евфимій, стараясь скорѣе прочихъ охладить мастику, дулъ на нее, чуть не касаясь ртомъ, и, разумѣется, скорѣе согрѣвалъ, чѣмъ студилъ.

Замѣтивъ это, Фотій тутъ же сказалъ съ сердцемъ: «вотъ дуракъ, такъ дуракъ и есть, учился бы у Ивана». (Такъ онъ называлъ отца Мизерецкаго).

Не смотря на праздникъ, никакихъ обѣдовъ не было, а также и денежныхъ раздачъ. На этотъ разъ у Фотія не случилось денегъ, такъ какъ графиня не успѣла еще получить изъ банка суммъ на текущіе расходы.

Когда Фотій собрался къ отъѣзду, на колокольный звонъ, а тысячи народа, съ помѣщикомъ во главѣ, выстроились двумя стѣнами.

Какъ только экипажъ Фотія тронулся, помѣщикъ и за нимъ народъ пали на колѣни... Картина производила потрясающее впечатлѣніе.

XIII.

Къ Фотію въ монастырь былъ присланъ для усовѣщенія одинъ казакъ съ дочерью, заподозрѣнный вмѣстѣ съ послѣднею въ ереси. Фотій поручилъ изслѣдовать ихъ образъ мыслей инспектору новгородской семинаріи, іеромонаху Аполлосу, изъ окончившихъ курсъ въ духовной академіи. Отецъ Аполлосъ преподавалъ въ семинаріи философію и слылъ за ученаго. Ознакомившись съ порученными ему лицами, онъ заявилъ Фотію, что никакой ереси въ нихъ не нашель, а напротивъ, считалъ ихъ мысли совершенно правильными. Тогда Фотій принялся увѣщавать самого монаха. Но, видя свое безсиліе передъ нимъ, донесъ о немъ, кому слѣдуетъ. Конецъ былъ тотъ, что отецъ Аполлосъ былъ лишенъ каѳедры, запрещенъ въ священнослуженіи и сосланъ на Валаамъ въ заточеніе. Послѣ смерти Фотія онъ былъ освобожденъ изъ заточенія и водворенъ въ Деревяницкомъ монастырѣ въ качествѣ простаго монаха и тамъ скончался не очень давно.

XIV.

Любимою позою Фотія на досугъ было: сидѣть, такъ, полулежа, убравшись на диванъ съ ногами. При этомъ въ комнатѣ обыкновенно сидѣла графиня и лица, болѣе вхожія къ Фотію. Ни графиня, никто изъ прочихъ не смѣлъ первымъ заговорить. Торжественное молчаніе длилось иногда больше часа. Наконецъ, раздавалась обычная въ такихъ случаяхъ фраза Фотія: «найде на мя помыслъ», а за нею слѣдовалъ нескончаемый рядъ словъ и разныхъ изрѣченій его собственнаго произведешя, въ родѣ, напримѣръ, такихъ: «крестъ на груди, крестъ на просфорѣ, крестъ на церкви, крестъ на могилѣ», и т. п.

XV.

Разъ Фотій держалъ свой обычный монологъ при графинѣ, двоюродномъ братѣ Мизерецкомъ и нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ лицахъ... Вдругъ графиня торопливо перебиваетъ: «батюшка, подите, государь пріѣхалъ». Фотій всталъ, надѣлъ роскошную малиновую рясу, подбитую горностаемъ, отдалъ нужныя приказанія и вышелъ навстрѣчу. Государь, дѣйствительно, шелъ уже по монастырю въ сопровожденіи адъютанта. Они вошли, никѣмъ не замѣченные, въ южныя непарадные ворота.

Фотій благословилъ государя и далъ ему поцѣловать свою руку. Затѣмъ, съ дипломатическимъ тактомъ (на чтѣ онъ былъ мастеръ). бесѣдуя съ государемъ, повелъ его въ Георгіевскій соборъ. Тамъ намѣстникъ съ крестомъ и братіей были уже наготовѣ къ встрѣчѣ.

Фотій указаль все наиболѣ замѣчательное по монастырю, затѣмъ государь отправился обратно. Спустя нѣсколько времени, Фотію было объявлено черезъ графиню: государь порядкомъ доволенъ, но чтобъ настоятель впредь руки цѣловать не соваль.

XVI.

Комнаты Фотія, благодаря графинѣ Орловой, всегда были убраны съ аристократическою изысканностью. Фотій, прохаживаясь иногда по роскошнымъ персидскимъ коврамъ, вдругъ начиналъ доказывать, что все это богатство тля и прахъ, а затѣмъ нарочно усиленно харкалъ по коврамъ и съ замѣтнымъ самодовольствомъ попиралъ это брєніе ногами.

XVII.

Одно время у Фотія явилась страсть къ собакамъ. Графиня сейчасъ же выписала для него цѣлую свору крупныхъ, породистыхъ собакъ. Для нихъ нарочно покупалось мясо пудами. Фотій самъ кормилъ собакъ, забавляясь при этомъ ихъ травлей,—какъ онѣ начнутъ другъ у дружки рвать лакомые куски.

При такомъ уходѣ собаки скоро привязались къ своему щедрому хозяину, а къ постороннимъ становились злѣе со дня на день. Приходить разъ къ Фотію его двоюродный братъ, священникъ изъ деревни Кунино. Фотій сидитъ на диванѣ, по обыкновенію, убравшись съ ногами; возлѣ него, насторожа уши, расположилось нѣсколько крупныхъ собакъ. Захотѣлось Фотію пошутить, и вотъ онъ, ухмыляясь, говоритъ: «ну-ка, потяни меня за полу». — «Ваше высокопреподобіе, неравно собаки съѣдятъ»,—взмолился было тотъ. — «Я тебѣ приказываю, тяни»,—настаиваетъ Фотій. Не успѣлъ гость дотронуться, какъ собаки съ лаемъ и воемъ бросились на него; тотъ спасся только благодаря присутствію духа да ловкости, съ которою отбивался отъ собакъ первой попавшеюся въ руки вещью. Самъ Фотій струхнулъ, схватилъ палку и едва унялъ разъяренныхъ собакъ. Священникъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ, поплатившись лишь рясой, которая оказалась располосанною по всѣмъ направленіямъ.

Стоитъ замѣтить, что Фотій не подумалъ вознаграждать своего небогатаго родственника за изъѣзъ, причиненный съ опасностью жизни. Для постороннихъ же лицъ у Фотія была установлена такса—платить 25 руб. каждому, кого укуситъ его собака.

Но одинъ случай заставилъ Фотія разстаться съ своими любимыми животными. Ъхалъ разъ Фотій изъ монастыря въ городъ на засѣданіе въ консисторію. По бокамъ коляски бѣжала, по обыкновенію, его свора любимыхъ собакъ. Какъ на грѣхъ попался на-

встрѣчу пріѣзжій купецъ, который шелъ пѣшкомъ на поклоненіе въ Юрьевъ монастырь. Всѣ собаки до одной бросились на прохожаго. Тотъ упалъ навзничъ и не шевелится. Фотій поспѣшно унялъ собакъ, но прохожій не подымался: съ испуга онъ умеръ на мѣстѣ.

XVIII.

Графъ Аракчеевъ сильно горевалъ по случаю смерти своей пріятельницы. Императоръ Александръ I, собственноручнымъ письмомъ, предложилъ Фотію утѣшить графа.

Фотій лично отпѣвалъ тѣло, а передъ чтеніемъ отпустительной молитвы произнесъ во всеуслышаніе: «паки преклонѣте колѣна». Такая необычайная церемонія надъ ненавистной для народа аракчеевской наложницей произвела сильное впечатлѣніе на народъ въ ущербъ Фотію, такъ какъ его до той поры считали за святаго.

XIX.

Авторитетность Фотія ясно обнаружилась въ одномъ обстоятельстве, непримѣрномъ въ церковной іерархіи. Вздумалъ онъ отпраздновать обновленіе своего монастыря и вотъ, никого не спрашиваясь, даже самого архіерея, разослалъ приказы по всему Новгородскому уѣзду о томъ, чтобы въ назначенный день ото всѣхъ церквей и монастырей отправились въ Юрьевъ кресты съ хоругвями. Приказаніе Фотія было свято исполнено: всколыхнулась вся губернія, состоялся не бывалый дотолѣ крестный ходъ при несмѣтныхъ толпахъ народа.

Новгородскій архіерей, который не былъ особо приглашенъ Фотіемъ, донесъ въ синодъ о самовольствѣ юрьевского архимандрита. Оттуда Фотій получилъ строжайшій выговоръ за «самоуправное назначеніе новыхъ крестныхъ ходовъ».

Это былъ первый ударъ духовнику графини Орловой.

XX.

Кончивъ перестройку монастыря, Фотій обратилъ свое вниманіе на внутренній бытъ монаховъ; тутъ онъ написалъ подробный монастырскій уставъ, гдѣ точно опредѣлялось времепровожденіе монаховъ, была увеличена служба, введены поклоны, были сдѣланы ограниченія и по трапезѣ. Свои реформы онъ началъ съ того, что приказалъ побросать въ Волховъ нѣсколько цибиковъ чая, заготовленнаго графиней на братію. Чай попалъ подъ запрещеніе, какъ «идоложертвенное китайское зелье». Судьба помиловала только кофе.

Кромѣ объемистаго устава, Фотій написалъ множество молитвъ и другихъ религіозныхъ возношеній, но духовная цензура не одобрила ихъ для всеобщаго употребленія. Тѣмъ не менѣе, Фотій приказывалъ читать свои апокрифы на трапезѣ.

Для тщательной переписки своихъ твореній (въ печать ихъ не пропустили), Фотій держалъ особаго переписчика. Это былъ пропившійся офицеръ, но въ то же время неподражаемый каллиграфъ.

Монахамъ пришлось сильно не понутру нововведенія Фотія: они такъ было привыкли къ прежней вольготной жизни. Впрочемъ, впослѣдствіи они тутъ не остались въ долгу, припомнили Фотію, какъ только представился случай.

XXI.

Фотій не любилъ «нѣмецкаго одѣянія», т. е. бранился, когда духовные,—дьячки, пономари и дѣти духовенства,—ходили въ сюртукахъ. «Надо, говорить, носить халатцы», такъ что и дѣтей приводили къ нему не иначе, какъ въ халатикахъ.

Одинъ изъ родственниковъ ¹⁾ Фотія выпшелъ на мѣсто въ дьячки. И вотъ, посвятившись въ этомъ чинѣ, онъ является въ кабинетъ къ Фотію чистякомъ, въ сюртукѣ. Фотій съ гнѣвомъ кричитъ на него: «Какъ ты смѣлъ надѣть бѣсовскую хламиду? Скидывай!»—«Ваше высокопреподобіе, помилуйте!»—взмолился несчастный. Тутъ графиня, видимо конфузясь, стала упрашивать Фотія, но напрасно: сюртукъ былъ снятъ, и молодой дьячекъ очутился въ грязной, штопанной фуфайкѣ на виду всѣхъ гостей. Мало этого, Фотій идетъ на прогулку по монастырю и беретъ въ свою свиту этого полуразоблаченнаго дьячка, и такъ заходитъ изъ кельи въ келью. При обыскѣ въ одномъ мѣстѣ оказалась связка баранковъ, Фотій велѣлъ ее надѣть на шею дьячку; въ другой кельѣ открыли цѣлый складъ нюхательнаго табаку. Тутъ Фотій передъ всѣми беретъ баранки, обмакиваетъ въ табакъ и говоритъ дьячку: «ѣшь!» Тотъ едва отмолился. Тогда Фотій, обращаясь ко всѣмъ, говоритъ: «каковъ для души табакъ, если грѣховное тѣло отъ него отвращается». Затѣмъ у одного монаха нашли ведерную бутылъ съ водкой, которая тоже отдается сказанному дьячку для торжественнаго несенія, такъ что къ концу обхода онъ былъ порядочно навьюченъ. Наконецъ, Фотій велитъ все это немедленно бросить въ рѣку. Дьячекъ пошелъ. Только онъ завернулъ за уголъ, бѣжитъ монахъ, владѣлецъ бутылки...—«Отецъ родной,—говоритъ онъ вполголоса:—отдай мнѣ вино-то, угощу послѣ; скажи, что бросилъ». Благодаря смѣт-

¹⁾ Алексѣй Артамоновичъ Быстряковъ, бывшій слишкомъ 50 лѣтъ дьячкомъ въ селѣ Подберезѣ, Новгородскаго уѣзда, разказывалъ также про этотъ случай изъ своей жизни.

ливости дьячка, не весь запретный товаръ былъ утопленъ. Когда дьячекъ вернулся, Фотій отпустилъ его, сунувъ нѣсколько ассигнацій въ придачу къ подряснику, который онъ ему выдалъ вза-мѣнъ сюртука. На радостяхъ отъ счастливаго оборота дѣла пошелъ дьячекъ къ знакомому въ монастырскую слободу, тамъ спрыснулъ обновку. На другой день утромъ идутъ они бережкомъ мимо монастыря и пощелкиваютъ орѣхи. Откуда ни возмись, навстрѣчу—Фотій съ казначеемъ. Дьячекъ замялся, туда—сюда, хотѣлъ было дать тягу, да некуда.—«Гдѣ былъ, куда ходилъ?»—отрывисто спросилъ Фотій. Тотъ объяснилъ—такъ и такъ, ваше высокопреподобіе.—«Покажи сейчасъ всѣ деньги». Дьячекъ смѣшался, такъ какъ деньги уже были начаты.

— Подай назадъ мои бумажки.

— Оставилъ у знакомаго.

— Сейчасъ принеси на это мѣсто.

Дьячекъ стремглавъ побѣжалъ къ знакомому лавочнику и выпросилъ у него на прокатъ подходящую ассигнацію вмѣсто размѣненной. Фотій беретъ ассигнаціи и передаетъ ихъ казначею со словами!—«тѣ ли это самыя, что ты вчера выдавалъ?» Казначей, разумѣется, счелъ болѣе удобнымъ ихъ признать. Тогда Фотій возвратилъ деньги дьячку.

XXII.

Фотій ненавидѣлъ табакъ во всѣхъ видахъ, считалъ одинаково смертнымъ грѣхомъ—куренье и нюханье. Особенно онъ вооружался противъ нюханья, такъ какъ оно больше всего и было распространено между монахами, какъ безвредное, незамѣтное для другихъ развлеченіе во время долгихъ ночныхъ стояній. Ратуя языкомъ и жезломъ противъ нюханья, Фотій такъ объяснялъ важность этого грѣха: «Посмотри на безсловесныхъ псовъ, откуда у нихъ блудъ начинается,—не отъ нюханья ли; такъ и человѣкъ уподобляется скоту, коль услаждается нюханьемъ табаку».

XXIII.

Разъ, входитъ въ кабинетъ къ Фотію нѣкто архимандритъ Ефремъ. Въ ту минуту Фотій сидѣлъ, по обыкновенію, на диванѣ, графиня въ креслахъ, около нея стояла на колѣняхъ какая-то дѣвочка, прочіе посѣтители—двоюродный братъ Фотія, дьяконъ съ 11-лѣтнимъ сыномъ, двоюродная сестра—монахиня Евфимія, просто стояли поодаль. Лишь только приблизился къ Фотію Ефремъ для привѣтствія, Фотій круто произнесъ: «Анна, обыщи его». Должно быть, по запаху отъ ясы Фотій замѣтилъ, что архимандритъ ню-

халь табакъ. Посѣтителъ заметался въ смущеніи. Графиня, повинаясь, стыдливо показываетъ видъ, будто ищетъ.

— Да ты ищи хорошенько,—кричитъ Фотій.—Въ карманахъ!.. За пазухой!..

— Батюшка, нѣтъ,—отвѣчаетъ она.

— Ищи, ищи!..

Наконецъ, табакъ нашелся въ воскриліи клобука, куда спряталъ было незамѣтно монахъ въ критическую минуту. Тутъ Фотій принялся распекать виноватаго за нюханье табака, такъ что всѣ трепетали. Но, кончивъ внушеніе, посадилъ его и сряду же подозвалъ мальчика. Ему онъ велѣлъ нюхать три сложенныхъ перста своей правой руки. Отъ Фотіевой руки дѣйствительно пахло ладономъ, но мальчику показалось, какъ онъ потомъ разсказалъ отцу, что Фотій держитъ душистый табакъ, а потому, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ строгаго выговора за табакъ, мальчикъ ничего не сказалъ. Фотій подозвалъ затѣмъ сестру Евфимію и ей велѣлъ нюхать. Та сказала: «Никакого запаха не слышу, ваше высокопреподобіе». Тогда Фотій подозвалъ дѣвочку, которая все стояла на колѣняхъ. «Пахнетъ благоуханіемъ», — отвѣтила она, понюхавъ руку Фотія. На это Фотій сказалъ съ сердцемъ: «Вы дураки, а сія отроковица умнѣ васъ».

XXIV.

У Фотія была въ невѣстахъ сестра—выгодная партія для искавшихъ не жены, а протекціи. Являвшихся претендентовъ Фотій обыкновенно подвергалъ предварительному искусу по своей нравственной программѣ и затѣмъ браковалъ, не справляясь со вкусами сестры. Особенно долгому искусу подвергался одинъ красивый молодой человѣкъ, острякъ большой руки, бывшій впоследствии протоіереемъ, а тогда преподавателемъ въ духовномъ училищѣ. Его-то Фотій часто требовалъ къ себѣ, просиживалъ съ нимъ цѣлые вечера до глубокой ночи и выходилъ изъ себя съ досады, что ни въ чемъ не могъ его переспорить. Наконецъ, на сцену выдвигался нѣкій «Папа», такъ звали Фотіева виночерпія. Этого субъекта одинъ помѣщикъ подарилъ Фотію, какъ своего крѣпостнаго, а Фотій постригъ его въ монахи. Это была личность съ плутовскими глазами и съ совершенно голой краснокожей головой, которая вмѣсто словъ мычала или издавала прерывистые звуки, а передъ Фотіемъ корчила самую подобострастную фигуру.

— Знаешь ли ты этого человѣка?

— Знаю, это — Папа, только не римскій. Тотъ гордыня, а у этого — ангельское смиреніе («Папа» мычитъ, ухмыляясь и поводя глазами).

— Да вы бы, ваше высокопреподобіе, спросили: сколько онъ сегодня бутылей осушилъ.

Услыхавъ это, «Папа» бросается Фотію въ ноги, начинаетъ бить лбомъ объ полъ и показываетъ знаками, что врагъ его смущаетъ...

— Да отпустятся тебѣ грѣхи твои. Вотъ ангельское смиреніе-то...—заговорилъ было Фотій, но замѣтивъ, что молодой человѣкъ смѣется, круто перемѣнилъ тонъ и сталъ его гнать восвояси.

— Ваше высокопреподобіе, какъ я пойду пустыремъ въ полночь, эдакъ въ прорубъ ввалюсь (дѣло было зимой), а то и нападетъ кто.

Но Фотій былъ неумолимъ. Впрочемъ, не это повело къ разрыву: Фотій и послѣ того вызывалъ къ себѣ прямодушнаго молодого человѣка, но тотъ самъ отказался отъ сватовства послѣ нѣсколькихъ визитовъ Фотіевой сестрѣ въ городѣ. Разъ сидѣли за картами: онъ, Фотіева сестра, братъ Евфимій и еще кто-то. Вдругъ нарѣченная невѣста тутъ же заспорила съ братомъ и при всѣхъ, сорвавъ съ себя косынку, пустила ею въ брата. Женихъ испугался такой невѣсты и скорѣе на попятный. Фотій, однако, выдалъ сестру за другаго, но она года черезъ два умерла, а мужъ ея священникъ Пименъ остался пить горькую чашу.

XXV.

Время передъ изданіемъ новаго монастырскаго устава было золотымъ вѣкомъ Фотія, тогда онъ и съ виду сталъ здоровѣе, даже нѣсколько пополнѣлъ. Введя новый уставъ, а также послѣ неудачи съ крестнымъ ходомъ, онъ всецѣло предался святошеству. Желая подавать собою примѣръ братіи, онъ сталъ ходить на всѣ ежедневныя службы, сталъ питаться одною овсянкою. Перемѣна въ образѣ жизни отозвалась на его здоровьи; онъ скоро замѣтно похудѣлъ.

Для украшенія ли своей обители, или для иныхъ цѣлей, написалъ онъ схимника, котораго отыскалъ въ одномъ изъ монастырскихъ захолустьевъ Новгородской губерніи. Это былъ старикъ чрезвычайно простой, безъ всякихъ претензій на святошество или чудотворство и замѣтно тяготился своимъ новымъ положеніемъ на виду всѣхъ, но былъ послушнымъ орудіемъ Фотія. Въ числѣ іеромонаховъ былъ одинъ изъ бѣглыхъ дворовыхъ людей, уклонившійся отъ рекрутства. Изъ-за него нѣкоторые страшали Фотія, но графиня уладила дѣло. Въ той же свитѣ былъ Кифа, котораго Фотій сдѣлалъ настоятелемъ сосѣдняго Сковоротскаго монастыря. Это былъ искатель приключеній и актеръ по призванію. Кифа задавалъ вакханаліи не по однимъ только монастырямъ, а и по деревнямъ, и бѣда кто съ нимъ не въ ладахъ. Сейчасъ подошлетъ краснаго пѣтуха, и не одинъ крестьянскій дворъ сгорѣлъ такимъ путемъ. Жилъ онъ въ свое удовольствіе, не зная никакихъ постовъ. Но Фотія онъ умѣлъ привлечь на свою сторону. Случалось, доходили до Фо-

тія недобрыя слухи про Кифу. Тогда онъ сейчасъ призывалъ его къ себѣ и читалъ нотаціи, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ. Кифа принималъ при этомъ самую умильную позу кающагося грѣшника. Но лишь только Фотій поворачивался къ нему спиной, онъ тотчасъ выдѣлывалъ такіе жесты и корчилъ такія гримасы, что могъ мертвого разсмѣшить. При новомъ поворотѣ Фотія, моментально возстановлялась прежняя поза. Фотій, ничего не подозрѣвая, былъ просто обворожень Кифою.

Самъ же Фотій, между тѣмъ, нашелъ себѣ новое занятіе: онъ сталъ отчитывать кликушъ и тому подобныхъ больныхъ извѣстныхъ въ народѣ подъ общимъ именемъ бѣсноватыхъ. Удостоившіеся исцѣленія щедро награждались. Соотвѣтственно успѣху число бѣсноватыхъ разныхъ видовъ прибывало въ монастырь, какъ вода въ половодье. Среди такихъ-то чающихъ движенія воды появляется въ Юрьевъ монастырь одна загадочная личность. Это была довольно красивая женщина, выдавала она себя за бѣсноватую, по занятію же до своего недуга, какъ оказалось, была актрисою. По мнѣнію нѣкоторыхъ, эта особа была подслана къ Фотію Орловымъ и Давыдовымъ съ тонкою цѣлью устроить разрывъ Фотія съ графиней. Разумѣется, графининыхъ наслѣдниковъ занимало не вліяніе Фотія на графиню (онъ называлъ ее просто «Анна», какъ послушницу), а то, что изъ предполагаемаго наслѣдства ускользали милліонъ за милліонами. Фотій сыпалъ деньги не на одинъ Юрьевъ монастырь, а и въ другія мѣста: такъ на иконостаѣ въ кievскій соборъ пошло ровно милліонъ рублей.

Какъ бы то ни было, Фотій принялся отчитывать новую бѣсноватую. Но ничто ее не брало, больная была упорна не въ примѣръ прочимъ. Для болѣе тщательнаго и правильнаго отчитыванія Фотій помѣстилъ бѣсноватую въ своихъ покояхъ. Тутъ она немного притихла, давая понять, что бѣсъ попалъ, точно въ ловушку.

Однако, по временамъ, особенно въ полночь, бѣснованія повторялись. Во время припадка больная раскидывалась по полу и, казалось, ничто не могло ее укротить. Фотій призывалъ и схимника, заставлялъ его отчитывать, тотъ повиновался, видимо, не понимая, чего отъ него хотятъ. Схимникъ тоже потерпѣлъ неудачу... Но вотъ Фотій набрасываетъ на бѣсноватую свой платокъ... И что же, раздается крикъ: «горю! горю! не мучь меня!.. дай мнѣ уйти». Крики переходятъ въ болѣе спокойную мольбу—снять жгучій платокъ. Фотій снимаетъ. При этомъ вторичномъ прикосновеніи больная приходитъ въ себя: бѣсъ оказывается изгнаннымъ.

Мало-по-малу дѣло стало подаваться на успѣхъ. Фотій до того занялся отчитываніемъ, что весь погрузился во врачеваніе необыкновенной бѣсноватой. Не находилъ даже времени ходить въ церковь, ни къ кому не выходилъ, къ себѣ никого не допускалъ, даже пересталъ принимать графиню, чего прежде никогда не бы-

вало. Вольная межъ тѣмъ исцѣлилась. Вскорѣ Фотій постригъ ее въ монахини и назвалъ Фотиной. Фотина до того просвѣтлѣла, что скоро сдѣлалась чуть не руководительницей Фотія, подчинила его себѣ. По временамъ Фотій замѣчалъ на ней сіяніе въ темнотѣ (не подозрѣвая, что бывшая актриса пускала въ дѣло фосфоръ).

Графиня, какъ зоркая наблюдательница, все понимала, какъ Фотій обмануть и какую онъ играетъ роль, и видимо готова была оставить навсегда Фотія съ его монастыремъ и Фотиною,—только великосвѣтскій тактъ удержалъ разочарованную аристократку.

Однако, Фотій очнулся, когда надъ его головой неожиданно нежданно раздался второй ударъ. Монахи настрочили на него доносъ по поводу Фотины, что настоятель сошелъ съ ума.

За доносомъ послѣдовало строжайшее предписаніе удалить Фотину изъ Юрьева въ далекій женскій монастырь въ 24 часа съ отдачею самого Фотія на замѣчаніе впредь до разъясненія дѣла.

Фотій немедленно снарядилъ Фотину къ отправкѣ, при этомъ отдалъ ей всѣ свои соболя и бархатныя рясы, а также и деньги. На проводахъ во время молебна сама Фотина подводила ко кресту совсѣмъ растеряннаго Фотія. Это обстоятельство произвело сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Между тѣмъ, Фотию грозила опасность перевода въ другой монастырь или даже лишиться мѣста. Тутъ графиня Орлова взялась его выручать. Немедленно ѣдетъ въ Петербургъ прямо ко двору и шесть мѣсяцевъ регулярно исполняетъ дежурство въ качествѣ фрейлины на всѣхъ выходахъ и церемоніяхъ. Результатъ былъ такой, что доносъ на Фотія оставленъ безъ послѣдствій.

Съ Фотиной Фотій былъ въ перепискѣ; разъ онъ отдалъ двоюродному брату Мизерецкому всю эту корреспонденцію для уничтоженія, но потомъ спохватился и отобралъ ее назадъ отъ своего бережливаго и честнаго родственника.

Конецъ Фотины былъ трагическій: ее зарѣзалъ монастырскій кучеръ, съ которымъ она была въ связи.

Ходилъ слухъ, что этотъ самый кучеръ разъ или два привозилъ Фотину въ Юрьевъ монастырь потаеннымъ ходомъ.

XXVI.

Поплатившись за Фотину, Фотій призываетъ Кифу (который и подговорилъ всю братію воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ по квитаться съ нимъ, и самъ сочинялъ доносъ). Въ присутствіи своего родственника іеромонаха Мануила и двоюроднаго брата, Фотій подводитъ Кифу къ распятію и говоритъ: «вѣришь ли ты, что я не сошелъ съ ума?» Тотъ отвѣчаетъ: «вѣрю!» «Перекрестись». Кифа крестится. Этотъ клятвенный допросъ повторяется трижды. Затѣмъ, Фотій снимаетъ съ себя крестъ и надѣваетъ на

Мануила съ словами: «отнынѣ я перестаю быть настоятелемъ, вотъ онъ вмѣсто меня!» Сказаль и поклонился Мануилу въ ноги. Съ тѣхъ поръ, дѣйствительно, всѣ текущія дѣла по монастырю шли уже не черезъ Фотія, а черезъ Мануила, какъ фактическаго настоятеля.

XXVII.

Графиня Орлова оставалась неотлучно у смертнаго одра Фотія, и какъ только онъ умеръ, она вышла въ пріемный залъ и торжественно заявила всѣмъ присутствовавшимъ: «Я могу увѣрить всѣхъ, что онъ (Фотій) былъ дѣвственникъ».

Тогда же графиня взяла къ себѣ Фотіеву шкатулку, но что тамъ было—это неизвѣстно.

